

В то время как к Хаджару во весь опор мчался всадник - явно один из лучших учеников секты, Лунная армия времени даром не теряла. Отряд Балиумцев (составлявший уже восемьдесят процентов от численности всей армии) смог добраться до павильонов секты.

Обезумевшие от боя солдаты Лергона бросали канаты с крюками на крыши зданий. Они своими собственными силами ровняли с землей столь ненавистные им здания.

Падали древние библиотеки, оборачивались в огонь и прах свитки с техниками и знаниями. Их сваливали в кучу и, полив горючей смесью, поджигали. В то же время сквозь завалы Лиан и её люди смогли протащить осадные орудия. И теперь в сторону скального ущелья, где высилась некогда красивая белая арка по небу летели огненные шары, оставлявшие черный дымный след.

Они разбивали в щеп стоявшие по краям ущелья дозорные башни. Ученики, не успевшие покинуть позиции, падали вниз с обрывов. Крича и стеновая, они летели прямо в кипящее варево хаоса. Люди, кони, клинки, техники - все это смешалось в одной безумной палитре полной алых и оранжевых красок. Запах крови и гари забивал ноздри и дурманил сознание.

И на фоне всего этого всадник на белом коне и его длинное копьё выглядел несколько ненормально. Столь же ненормально, как его погибшая возлюбленная.

Перемахнув через ряды воинов, всадник оказался перед Хаджаром. Он не назвал своего имени, ни обвинил в чем-то генерала, он лишь молча плакал от бессильной ярости и боли. Его копьё было настолько длинным, что одним взмахом он легко нанизал пять солдат, а затем, легко подняв их в воздух, кинул в сторону Хаджара.

Наверное, было неправильным то, что генерал взмахнул мечом и разрубил тела своих же павших воинов. Но то были лишь тела - физические оболочки и не более. Души умерших уже обвивали пороги домов своих праотцов и их более не волновали дела живых.

Пришпорив бронированного коня, всадник отправил животное в стремительный рывок. Конь прыгнул, стрелой размазавшись в воздухе. Сверкнуло длинное, могучее копьё.

Хаджар, убрав меч в ножны, развернулся пропуская наконечник мимо груди. Тот лишь царапнул нагрудник, но и этого хватило, чтобы Хаджар почувствовал, как в грудь ему ударил таран.

Чудом удержавшись на ногах, генерал схватился за древко и резко дернул. Всадник вылетел из седла, но вопреки ожиданиям не упал на землю. В воздухе он развернулся, оперся на древко и так и замер. Затем он силой ударил ладонью по основанию копья. Если бы Хаджар не выпустил бы из рук чужое оружие, то оказался бы пронзен от груди до поясницы.

Вместо этого он отскочил в сторону. Как раз вовремя, потому как спустя менее чем удар сердца, оружие на метр вошло в землю. Всадник, лишившийся своего коня, приземлился рядом с копьём. Пяткой он ударил по древку и оружие буквально врывало из земли огромный пласт. Разбитый на сотни мелких, острых осколков, он градом устремился к Хаджару.

Генерал вновь обнажил клинок и закрутил вокруг себя непроницаемый кокон стального света. Его клинок двигался настолько быстро, что было невозможно сказать, где заканчивается один

взмах и начинается другой. В итоге осколки обернулись простой дорожной пылью, осевшей на доспехах Хаджара. Тот так и не успел перевести дух, как всадник уже перешел в наступление.

Держа копьё за самое основание, он использовал его гибкость и длину. Один удар множился на десять, а десять на сотню. Генералу казалось, что он сражался не с одним противником, а с целым подразделением копейщиков. В то время, пока он отбивал три удара, ему наносили еще десять.

Хаджар орудовал мечом так быстро, как еще никогда прежде. И если бы не татуировка Духа Меча на его спине, позволившая ему использовать энергию клинка и продвинуться по пути Меча, то его бы уже пронзили тысячу раз. Лишь благодаря технике дракона Травеса, он смог избежать большей части ударов.

И все же по его плечам, по лицу и рукам текли струйки крови от многочисленных порезов. Даже броня уровня Смертного Артефакта не могла сдерживать напора копейщика. Правильно говорят - меч и копьё, два вечно враждующих короля войны.

Всадник, видя, что его противник лишь защищается и отступает, взял оружие широким хватом. Он замахнулся им над головой и, что-то произнеся, рубанул сверху вниз. С недоумением Хаджар смотрел на то, как копьё увеличивается в размерах. Сперва до размеров столпа, а затем и вовсе - до габаритов корабельной мачты.

Не рискуя принимать удар на блок, Хаджар попытался увернуться. Копьё расширилось слишком быстро и генерала все же задело. Его протащило по земле с пяток метров, сшибая с ног солдат и учеников. И все же, это было лучше, нежели оказаться прямо под центром массы удара. Копьё выбило в земле настоящий канал, по которому вполне успешно могла проплыть лодка.

С ревом, обхватив копьё-мачту, всадник выпрямился и развернулся. Он буквально сминал и разбивал людей, будто фарфоровые куклы. Хаджар, вскочив на ноги, смотрел на то как к нему приближается сама смерть.

Не теряя времени, он оттолкнулся от земли и взмыл в воздух, пропуская исполинское копьё под собой. Заметив хищную улыбку на лице всадника, генерал понял, что совершил ошибку. Ошибку новичка. Он потерял опору и оказался в воздухе. Там, где невозможно увернуться от удара.

Столь же стремительно как увеличивалось, так же быстро копьё принимало свои изначальные размеры. Всадник же вновь начал свою безумную пляску, превращая один выпад в сотню.

Целое облако из стальных наконечников устремилось к Хаджару, не имевшему ни единого шанса увернуться или заблокировать все атаки. Для этого ему было необходимо находиться на земле.

- Проклятье, - выругался генерал.

Краем глаза следя за тем, как стремительно падает шкала его энергии. С начал боя он потерял всего одну единицу (согласно вычислениям нейросети), а вот за один лишь этот следующий удар - сразу три. В итоге у него осталось меньше шестидесяти процентов от общего количества энергии. Огромная растрата, учитывая, что конец битвы еще даже не замаячил на горизонте.

- Весенний ветер, - произнес Хаджар.

Не то чтобы ему требовалось называть техники, просто так было легче сконцентрироваться. А когда ты находишься в воздухе а к тебе мчится облако изи мириада стальных наконечников - вопрос концентрации становится весьма и весьма серьезным.

Прежде, когда Хадажр не посвятил себя Духу Меча, то не мог понять всю глубину техники Весеннего Ветра и потому использовал её куцый, самопальный вариант теперь же...

Вместе со взмахом меча, с режущей кромки клинка сорвался огромный, стальной, режущий удар. Суть "весеннего ветра" было вовсе не в стремительном выхватывании меча из ножен с последующим проникающим ударом-лучом. Она была намного сложнее и всеобъемлющей.

Как весенний ветер приносил с собой жизнь и разжигал её во всем сущем, так и техника была способна многократно усилить любой из ударов.

С каждым пройденным метром, удар Хаджара все увеличивался и расширялся, пока не достиг высоты в десяток метров.

Он легко разбил облако копий так, будто те были не крепче зубочисток. Превратив их в труху, он, казалось бы, прошел насквозь всадника так того не задев. На деле же, пройдя за спиной противника еще с десятков метров и распоров землю на две части, удар рассеялся. А вместе с ним рассеялась и жизнь всадника, унесшегося душой куда-то к праотцам и своей возлюбленной.

Так же, как недавно Рине, и он упал, разделенный на две части. Со звоном теперь уже разбитое копьё докатилось до обломков жезла и они замерли навеки.

Удар Хаджара, вместе с жизнью всадника, унес с собой и души сотни сектантов, находящихся по ту сторону площадки. И сколько бы ни было значительно это достижение, ради него Хаджар расстался с ощутимой толикой энергии.

- Ты заставляешь меня чувствовать свою неполноценность.

Рядом, будто демон из бездны, выскочил покрытый гарью и копотью Неро.

- Что ты здесь забыл? - спросил Хаджар, пользуясь небольшой передышкой. - у тебя свой фронт.

- Идите к демону, генерал, - оскалился товарищ. - Раскомандовался тут... Лиан и Гэлион пробили оборону секты.

Неро развернул Хаджара за плечи и указал мечом в сторону пылающего в огне ущелья.

- Мы собираемся брать в осаду замок Патриарха.

Хаджар кивнул и отправился следом за товарищем. Вместе они, в прямом смысле слова, прорубали себе путь к осаждающим главное укрепление секты. Генерал буквально всем своим "я" ощущал пристальный взгляд Патриарха, но это мало его волновало.

Впервые за долгое время он увидел тень победы.